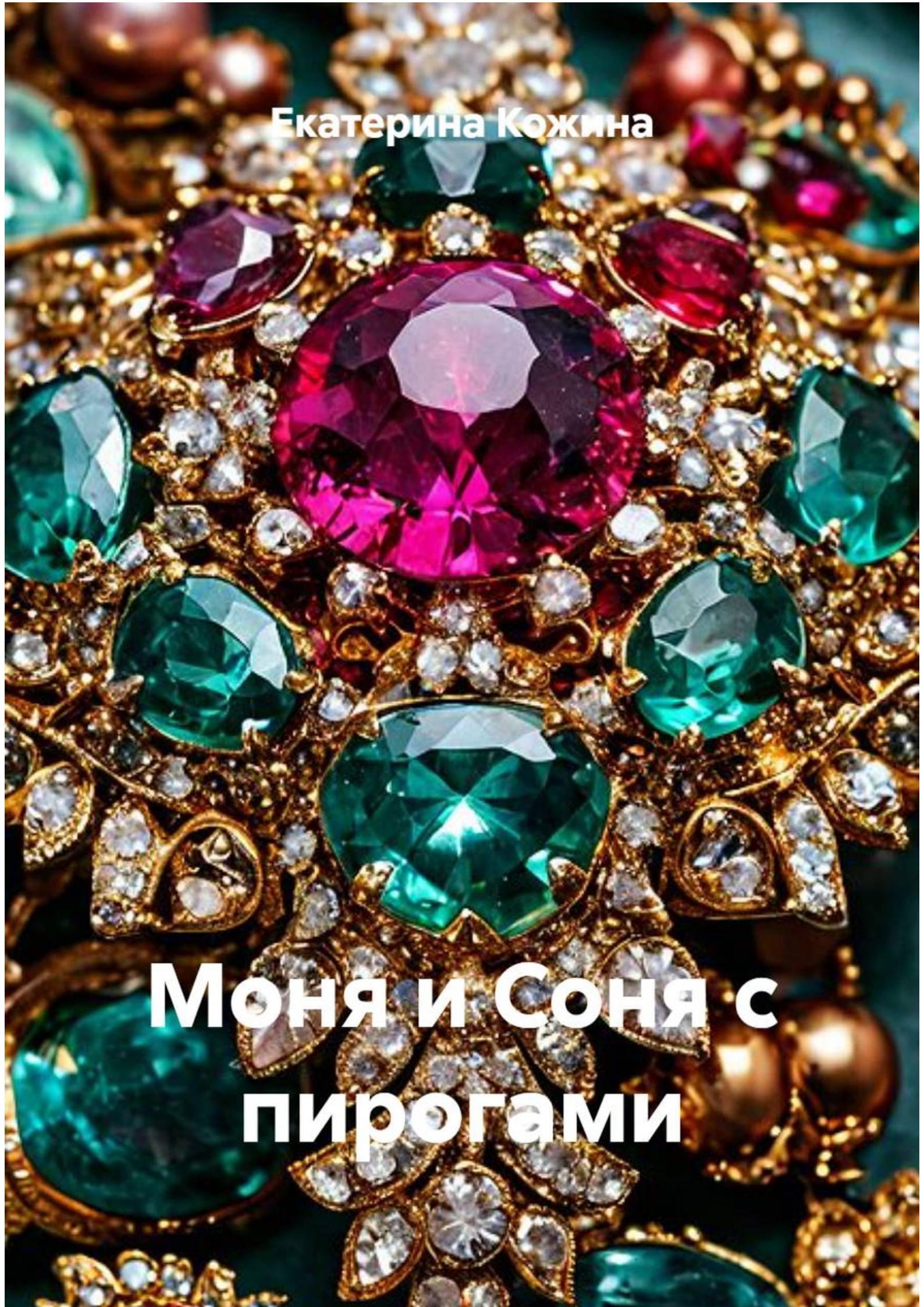

Екатерина Кожина

**Моня и Соня с
пирогами**

Екатерина Кожина

Моня и Соня с пирогами

«Автор»

2026

Кожина Е.

Моня и Соня с пирогами / Е. Кожина — «Автор», 2026

У ювелира Мони новая соседка через дорогу. Соня с братом открыли кафе "Мамины пироги" и от обалденного запаха начали набегать женихи.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Екатерина Кожина

Моня и Соня с пирогами

Глава 1

Прошло два месяца после того, как Елена окольцевала командира Влаго и ушла вить семейное гнездо. Жизнь в лавке Моня Штейнбока текла своим чередом: Моня флиртовал с покупателями, Циля яростно воевала с пылью, а заброшенный цветочный магазинчик напротив уныло смотрел на улицу разбитыми окнами.

Но однажды утром тишину нарушил веселый треск ломающихся досок. Из дверей бывшей лавки Елены, кашляя от пыли, вылезла молодая, плотного телосложения человеческая девушка. Она решительно тащила к мусорному баку обломок старого прилавка.

Циля, обладавшая бдительностью пограничной овчарки, мгновенно материализовалась на улице с веником наперевес. Уже через двадцать минут разведки племянница Моня знала о незнакомке все, включая девичью фамилию ее троюродной бабушки.

— Моня, я имею вам сказать, что у нас через дорогу поселилось целое кино и немцы! — заявила Циля, ворвавшись в ювелирную лавку. — Девушку зовут Соня. Она из приюта, круглая сирота, но с таким характером, что ее можно выпускать против орочьей кавалерии. Представляете, она еще в прошлом году ходила вокруг этой лавки Елены, хотела выкупить, но денег у нее было меньше, чем у тебя совести. Так она целый год пороги в магистрате обивала! Каждому чиновнику сделала такие вырванные годы, что они, бедненькие, таки сдались и выплатили ей сбережения погибших родителей, которые до этого удачно «терялись» в бумагах.

— И что эта Сонечка собирается там делать? — поинтересовался Моня, не снимая лупы. — Опять цветы? От них у меня только насморк и никакой прибыли.

— Какие цветы, Моня! Она открывает кафе! Она готовит по рецептам своей мамы так, что у меня от одного ее рассказа выделился литр слюны. Но самое главное: раз у нее теперь есть жилье, магистрат отдает ей под опеку младшего брата. Ему девять лет, он до сих пор в приюте. Она уже вылизала всю лавку до блеска, хотя там внутри из мебели — только воздух и ее большие надежды. Даже кроватей еще нет!

— Ну, открыть кафе без мебели — это, конечно, сильный коммерческий ход, — хмыкнул Моня. — Но девочка с характером, это я уважаю.

К вечеру Соня привезла брата. Моня и Циля случайно поливали герань на подоконнике второго этажа, наблюдая за картиной. Из наемной телеги вылез худенький мальчик девяти лет по имени Марк. Пацан окинул улицу таким угрюмым взглядом, рано повзрослевшего ребенка, будто он приехал не в новый дом, а инспектировать убыточное предприятие.

На следующий день Соня возилась у входа, пытаясь пристроить над дверью вывеску «У Сони. Мамины пироги». Марк сидел на ступеньках грызя яблоко и критически наблюдая за сестрой.

Моня Штейнбок в лучшем жилете решил выйти на крыльцо, чтобы вдохнуть воздуха и продемонстрировать соседям свой дорогой статус. Он сделал шаг на мостовую, поправляя цепочку от карманных часов.

И тут из-за угла выскочил огромный, грязный пес. Глаза животного налились кровью, изо рта капала пена — собака была явно не в себе от жары или бешенства. Пес зафиксировал взгляд на невысоком, упитанном гноме и, издав рык, бросился на Моню.

— Ой, вей! — только и успел пискнуть Моня, понимая, что его короткие гномьи ноги физически не успеют донести пятьдесят килограммов чистого золота до спасительной двери. — Циля! Спасай бизнес, меня сейчас будут кушать!

Все произошло за долю секунды. Девятилетний Марк оценил обстановку, перехватил поудобнее недогрызенное яблоко и запустил его прямо в голову бешеной твари.

Яблоко врезалось псу точно в переносицу. Собака взвизгнула, потеряла ориентацию в пространстве и врезалась в столб. Мальчик схватил стоявшую у стены Сонину швабру опустил ее на затылок оглушенного пса. Орудие труда разлетелось в щепки, а собака решила, что здесь плохое место для прогулок и вернулась за угол.

Тут из лавки выскочила Циля с кочергой, а из кофейни — испуганная Соня.

Моня стоял, прижав руки к левому карману жилетки, где испуганно дрожало обручальное кольцо.

— Молодой человек, — выдохнул ювелир, когда к нему вернулся дар речи. — Я, конечно, видел разные виды обороны, но чтобы поц сделал из волкодава котлету при помощи фрукта и швабры... Это же просто праздник какой-то!

Марк посмотрел на гнома, затем на обломок швабры в своей руке и вздохнул.

— Рад за вас, уважаемый. Но вы радовались бы чуть тише. Моя сестра осталась без хорошего инвентаря для уборки. А новая швабра стоит целых два серебряных. И я еще не посчитал то яблоко, которое я и не успел доесть.

Моня на секунду лишился дара речи от такой деловой хватки, а затем его лицо расплылось в широчайшей улыбке. Он подошел к мальчику и веско положил руку ему на плечо.

— Слушай меня сюда, Марк, и пусть твоя сестра тоже слушает, — провозгласил Моня. — За швабру и яблоко вы даже не думайте, это мелкие брызги. Циля! Быстро беги в кладовку. У нас там стоят две отличные дубовые кровати. И пусть Бруно из агентства Влаго поможет их донести.

— Моня, вы что, отдаете нашу мебель бесплатно?! — притворно ужаснулась Циля, хотя ее глаза блестели от гордости за дядю.

— Циля, закрой рот с той стороны здравого смысла! — прикрикнул Моня. — Этот парень спас твоего любимого дядю от внепланового посещения кладбища. Соня, деточка! Кровати сегодня переезжают к вам.

Глава 2

Бруно перетащил дубовые кровати через дорогу за один заход. Поставив мебель в жилых комнатах за залом кофейней, он молча зыркнул на Марка бровей. Мальчишка, оценив габариты громилы, уважительно затих — шваброй тут не отделаешься. А вот Соня испугалась. Девушка сжалась и старалась не стоять у великана на пути.

Однако ее приютская честность взяла верх. Она робко вышла со кошельком, чтобы заплатить за работу, но нарвалась на грубость. Бруно лишь мазнул по ней тяжелым взглядом, буркнул: «Чужого мне не надо, тем более твоего», — и ушел, хлопнув дверью так.

Ночью небесная канцелярия решила устроить проверку на прочность, и пошел проливной дождь. Крыша не выдержала, явив миру дыры размером с хорошую дыню.

Утром Моня, заметив из окна унылые тазы на подоконниках соседей, хитро прищурился. Под благовидным предлогом проверки «периметра безопасности» он надушенным коlobком докатился до охрannого агентства «Верный щит». Ювелир целый час нудил Бруно прямо в уши, мешая тому чистить топор.

— Бруно, дорогой, я имею вам сказать, что у этой сироты напротив крыша течет так, будто там обосновался филиал Великого водопада! — зудел Моня, мерно покачивая тростью. — Девочка же утонет вместе со своими рецептами, и кто тогда будет печь мне пироги? Сходите, посмотрите своим военным глазом, пока этот квартал не смыло в сточную канаву.

Бруно терпел, но гномий зуд Мони мог пробить даже мифриловый доспех. Гвардеец молча встал, взял мешок с инструментами и побрел в кафе.

Внутри Марк с угрюмым видом и усердием возил тряпкой по полу, вытирая дождевые лужи.

— Где сестра? — пробасил Бруно, нависая над пацаном как скала.

Марк даже не вздрогнул. Он лениво ткнул пальцем наверх:

— Там. Пытается заткнуть дыру старым матрасом.

Бруно сделал два шага вперед, задрав голову к потолку, и в этот самый миг гнилая доска под крышей с треском лопнула.

Раздался короткий девичий визг, и Соня на полной скорости полетела вниз, приземлившись точно на широкую грудь великана. Они покатались по мокрому полу. Кое-как затормозив у прилавка, замерли: Бруно лежал на спине, а испуганная Соня, зажмурившись, сидела на нем сверху.

— Ой, мамочки — прошептала она, приоткрывая один глаз и бледнея еще сильнее при виде свирепого лица.

— Женщина! — застонал Бруно от резкой боли в пояснице, грубо хватая ее за плечи, чтобы ссадить с себя. — В вас веса больше, чем в полном походном рюкзаке королевского гвардейца! Вы что, штурмовой баран, чтобы так на людей с неба бросаться?! Моя спина теперь чувствует себя хуже, чем после допроса в плену!

Соня испуганно вскочила, прижав руки к груди и едва не плача от стыда и страха. Бруно кряхтя поднялся, потер поясницу, осмотрел сияющие в потолке дыры. Ни слова не говоря, развернулся и ушел, охая на ходу.

Уже к обеду тихий квартал содрогнулся от грохота. К кофейне Сони приехали две телеги, доверху груженные первосортным брусом, черепицей и сухой паклей. За ними шествовала бригада мастеров-кровельщиков.

Сони дома не было — она ушла на рынок за мукой. В дверях лавки стоял один Марк, скрестив руки на груди и взирая на этот строительный десант.

Из ювелирной лавки напротив не торопясь вышел Моня, смакуя момент. На крыльцо тут же выскочила и Циля с половником.

— Марк, деточка, что тут за вавилонское столпотворение? — удивился Моня, пряча хитрую улыбку в бороде. — Кто эти почтенные люди, которые привезли столько леса, будто собираются строить тут ковчег?

— Это Бруно, — буркнул Марк, переводя взгляд на Моню. — Пришел, получил по спине моей сестрой, ушел, а теперь его люди ломают нашу крышу окончательно. Я спросил у мастера, кто платит за этот банкет. Он сказал, что какой-то молчаливый шкаф оплатил работу и потребовал сделать так, чтобы сверху не капало даже во время всемирного потопа.

— Ой, вы посмотрите на этого Бруно! — всплеснула руками Циля, довольно ухмыляясь. — Нагрубил девочке, обозвал бараном, а сам вывернул карманы так, что у мастеров аж глаза заблестели! Моня, я имею вам сказать: этот хмурый великан внутри мягкий, как свежая булочка, просто стесняется своего хорошего воспитания!

В этот момент с угла улицы появилась Соня, тащившая мешок с мукой. Увидев, что на ее крыше стучат молотками, а во дворе разгружают дорогую черепицу, она замерла, уронив мешок прямо в дорожную пыль.

— Это... это что такое? — пролепетала она, переводя испуганный взгляд с рабочих на Марка. — Марк, нас что, выселяют? Мы опять кому-то должны?!

Марк вздохнул с чисто взрослой обреченностью и подошел к сестре:

— Успокойся, Соня. Нас не выселяют. Просто тот страшный великан, на которого ты удачно упала утром, решил, что твоя кулинария не должна пострадать от сырости. Короче, крыша у нас теперь будет королевская, а вот как ты будешь расплачиваться с этим громилой — это уже твои тактические проблемы.

Моня Штейнбок весело рассмеялся, поправляя цилиндр:

— Сонечка, радость моя, не делайте себе бледный вид, вам это совершенно не идет к лицу! Бруно — парень честный: если он решил инвестировать свое золото в вашу крышу, значит, он просто заботится о сохранности своего будущего меню. Так что поднимайте вашу муку и идите печь пироги, строителям тоже надо что-то кушать, а у Мони от этих новостей уже начинает урчать в животе!

Глава 3

Соня в кулинарных делах знала толк, но финансовая кабала пугала ее сильнее, чем падение с крыши. По наводке Моня о метонахождении агенства "Верный щит", она сжала в кулаке свой тощий кошелек и решительно зашагала к страшному Бруно.

Ввалившись в контору, Соня с положила кошель на стол прямо перед солдатом.

— Здесь двадцать серебряных! — выпалила она, задыхаясь от страха и быстрой ходьбы. — Это все, что у меня есть сейчас. Остальные деньги за ремонт я вам обязательно верну, до последнего медяка! Честное слово!

Пока Бруно стоял посреди комнаты, медленно хлопая на нее глазами от такой наглости, Соня крутанулась на каблуках и технично удрала, хлопнув дверью.

Однако добежать до дома она не успела. Не прошло и пяти минут, как Бруно тяжелым танком нагнал ее у дверей кофейни. Он молча перегородил ей дорогу, зашел внутрь, опустил кошелек на кухонный стол и грубо буркнул:

— Забери, женщина. Я за бабские гроши крыши не крою.

Едва гвардеец скрылся за углом, Соня отдышалась от испуга, схватила злосчастные деньги и снова припустила в агентство. Ворвавшись в контору во второй раз, она опять положила кошель перед Бруно. Владо и Дик, наблюдавшие за этим пинг-понгом, уже в голос ржали на заднем плане, держась за животы.

— Дик, заткнись, а то я сделаю тебе увольнение по состоянию здоровья! — рявкнул багровый Бруно.

Он молча подошел к Соне, аккуратно, но намертво взял ее под локоть и, как пленного «языка», конвоировал обратно в кафе. Зайдя внутрь, великан во второй раз положил кошель на стол. Затем вытащил из кармана огромный строительный гвоздь, достал из-за пояса топор и одним ударом обуха приколотил кошелек к дубовой столешнице.

— Все, — отрезал Бруно. — Попробуешь оторвать — сломаю стол.

Развернулся и ушел.

После этого исторического сражения великан не появлялся в квартале несколько дней. Соня, решив больше не испытывать судьбу (и мебель), переключила всю энергию на бизнес. Она приготовила первую партию маминых пирогов с черникой и пряной корицей. Аромат выпечки поплыл по улице с такой силой, что у Моня Штейнбока через дорогу начисто пропал коммерческий аппетит к золоту — он думал только за еду.

Первые пироги разлетелись за полчаса. Соня, окрыленная успехом, побежала на рынок и купила еще муки. А на обратном пути заглянула к старьевщику и выторговала три колченогих столика и шесть разномастных стульев.

Марк подошел к делу профессионально. Он разложил инвентарь во дворе, взял банку с лаком и принялся усердно красить мебель, сохраняя на лице выражение сурового директора крупной мануфактуры.

Из ювелирной лавки не спеша вышел Моня, смакуя момент и помахивая тростью. На крыльцо тут же выпорхнула и Циля с полотенцем на плече.

— Ой, Марк, деточка, я имею вам сказать, что эта мебель выглядит так, будто ее только что спасли с тонущего пиратского корабля! — весело крикнула Циля через дорогу. — Но после твоего лака она блестит так красиво, что я почти готова прийти к вам посидеть, если Соня сделает мне скидку как близкой соседке.

— Мадам Циля, скидок у нас нет, у нас суровый капитализм, — отозвался Марк, выводя кисточкой угол стола. — Но если вы придете со своим чаем, мы, так и быть, не возьмем с вас плату за аренду стула.

Моня Штейнбок весело расхохотался:

— Вы посмотрите на этого поца! Ему всего девять лет, а он уже умеет брать деньги за воздух, который окружает его стулья! Марк, ты делаешь мне подкос авторитета в этом квартале. Сонечка! — позвал гном, заметив высунувшуюся из окна девушку. — Торговля пошла, и это прекрасный знак. Главное — не жалейте заварки и корицы, богатые клиенты из верхнего города любят, когда пахнет дорого!

Соня улыбнулась и скрылась на кухне, откуда уже доносился новый, умопомрачительный запах свежих булочек с маком. Жизнь в маленьком кафе начинала бить ключом.

Глава 4

За несколько дней Сонин страх перед Бруно испарился. Девушка рассудила, что великаны, которые приколачивают кошельки к столам гвоздями, конечно, со странностями, но в душе зла не держат.

В один из вечеров она испекла огромный пирог со спелыми вишнями и решительно направилась в охранный агентствo «Верный щит».

— Это вам, командир Владо, Дик и вам, Бруно, — Соня поставила тяжелое блюдо на стол. — Большое вам человеческое спасибо за крышу. Она теперь сухая.

Владо и Дик дружно закивали, потягивая носами умопомрачительный аромат. Бруно поднялся со своего стула, подошел к Соне, навис над ней каменной глыбой и поцеловал прямо в губы.

От неожиданности у Сони в голове закоротило все приютские инстинкты. Она взмахнула руками и со страху так полоснула ногтями по суровой щеке, что оставила три яркие параллельные полосы. После чего с визгом выскочила из конторы.

В агентстве повисла секундная тишина. Бруно стоял, трогая пальцами щеку и хлопая глазами. А затем Владо и Дик рухнули под стол. Такого хохота эти стены не слышали со времен взятия южной крепости.

— Ой, не могу! — задыхался от смеха Дик. — Бруно, тебя штурмом брали орки, тебя взрывали гоблины, но лицо тебе расписала мирная повариха! Это же кавалер года!

После этого конфуза целый месяц Бруно в квартале не появлялся — зализывал раны и остатки своей мужской гордости. Соня постепенно успокоилась и полностью ушла в выпечку, а вот Моня Штейнбок через дорогу не на шутку заволновался. Хитрый гном не любил, когда его идеальные коммерческо-романтические планы давали трещину.

А тут еще случилась форменная катастрофа. Тот самый старьевщик, у которого Соня покупала стулья — дяденька, как оказалось, далеко не из бедных, имевший три склада в порту, — притащил к кафе своего сына. Сын был человеком молодым, на удивление симпатичным, при часах и с приличными манерами.

Моня Штейнбок, чисто случайно протиравший витрину у самого входа, подслушал их разговор у порога Сониного кафе.

— Яша, сыночек, — вполголоса говорил старьевщик, подталкивая парня к дверям. — Посмотри на эту лавку. Чистота, пахнет мамой и хорошей прибылью. Девушка — сирота, характер золотой, готовит так, что ты забудешь свои рестораны. Женись, Яша, не делай отца сиротой при живом сыне, лучшей партии в этом квартале ты не найдешь!

«Ой, вей, — подумал ювелир. — Какой-то портовый Яша заберет мою лучшую соседку, а Бруно так и помрет хмурым холостяком!»

Моня вихрем влетел в лавку:

— Циля! Срочно бросай свой половник и делай тактическую разведку через дорогу! Соня принимает гостей, и если этот Яша задержится там дольше, чем на одну чашку чая, я вычту это из твоего наследства!

Циля, оценив масштаб трагедии, подхватила тарелку с ватрушками и форсировала через улицу. Яша с папой к тому времени уже ушли, а Соня сидела у окна расстроенная.

Через полчаса Циля вернулась. Лицо гномы было непривычно серьезным и даже грустным. Она присела на табурет возле Мониного верстака.

— Ну? — не выдержал Моня, отложив лупу. — Что там этот Яша? Сватал?

— Ой, Моня, не делайте мне нервы, там все гораздо тоньше, чем ваши мифриловые цепочки, — вздохнула Циля. — Поговорила я с Сонечкой. Плакала она. Оказывается, этот Яша ей даром не нужен, как и все мужчины на свете.

— Это почему еще? — удивился гном. — Парень вроде приличный.

— А потому, Моня, что приют — это вам не пансион для благородных девиц, — сказала Циля. — Соня рассказала, что когда она была подростком, ей там еле-еле удалось отбиться от старших парней. Защитить ее было некому, она брата маленького на руках держала и зубами за свою честь дралась. С тех пор она мужчин боится. А тут наш Бруно со своими гвардейскими нежностями и поцелуями без предупреждения! Она просто испугалась, что ее опять обидеть хотят, вот и выдала ему пять пальцев по физиономии.

Моня снял очки, поправил жилетку и глубоко вздохнул. В его хитрых глазах появилось редкое для него выражение глубокого сочувствия.

— Картина маслом — проговорил он, постукивая пальцами по столу. — Бедная девочка. Натерпелась столько, что теперь в каждом хорошем жесте видит засаду. А Бруно, этот дубовый шкаф, полез как таран на закрытые ворота!

— И что делать, Моня? — Циля жалобно посмотрела на дядю. — Торговля-то у нее пошла, столы покрашены, а в душе — ледник и страх.

— Радость моя, закрой свой рот с той стороны романтики, — хитро прищурился ювелир. — Здесь нужна обратная огранка алмаза.

Глава 5

Моня нацепил самый унылый из своих жилетов, взял трость и покатился в контору «Верного щита».

Бруно сидел в углу и мрачно точил топор. Моня устроился на крайнем стуле, вздохнул так, будто у него только что конфисковали всю кассу, и завел свою хитрую гномью волынку.

— Бруно, дорогой, я пришел сказать, что вы можете спать совершенно спокойно, — зазудел Моня, покачивая головой. — Наша бедная сиротка Сонечка больше не будет утомлять вас своими вишневыми пирогами. Слава богам, мир не без добрых людей! Там нарисовался такой жених — Яша, сын портового старьевщика! Красавец, при часах, при деньгах, три склада в порту. Он уже вовсю вьется вокруг ее крыльца. Так что вы, Бруно, туда больше не ходите. Они же вас, громилу такого, боятся до судорог. Зачем вам эта нищета с приютским прошлым и девятилетним мальцом на шее? А Сонечку защитить некому, так пусть хоть этот Яша ее в люди выведет. Будет у нее кофейня, муж с коммерческой жилкой, а вы забудьте этот адрес, как страшный сон.

Моня поправил цилиндр, выдал еще один фальшивый вздох для закрепления материала и тихонько ушел.

Расчет старого гнома оказался точнее мифриловых весов. Едва за Моней закрылась дверь, у Бруно внутри сорвало все военные тормоза. «Какой еще портовый Яша?!» Великан с грохотом отставил топор, дошел до своего съемного угла, за пять минут собрал сундук с вещами, до медяка расплатился с хозяйкой, взвалил на свои богатырские плечи огромную дубовую кровать и двинулся к кафе.

В дом Сони он вошел без стука, занеся мебель вместе с дверным косяком.

— Здесь жить буду, — пробасил Бруно, с грохотом опуская кровать посреди зала. — Буду вашей охраной. От собак, крыш и портовых старьевщиков.

Соня от такой наглости побелела:

— Господин Бруно, вы с ума сошли?! Какая кровать? Какая жизнь? Я я буду возражать! Я позову стражу!

Бруно навис над ней, как грозовая туча, и совершенно серьезно отрезал:

— Будешь возражать — поцелую. Прямо сейчас.

Соня испуганно округлила глаза и замолчала, прижав ладошку к губам. Марк, наблюдавший за этой картиной из угла с чашкой чая, одобрительно хмыкнул:

— Располагайтесь. Рядом с Сониной комнатой можно кладовку освободить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.